

УДК 94.47

UDC

DOI: 10.17223/18572685/53/5

РАСПАД И ДЕМОБИЛИЗАЦИЯ РУМЫНСКОГО ФРОНТА ЗИМОЙ 1917–1918 г.: МЕЖДУ КРАСНЫМИ, БЕЛЫМИ И ИНТЕРВЕНТАМИ

М.В. Оськин

Институт законовeдения и управления
Всероссийской полицейской ассоциации
Россия, 300028, г. Тула, ул. Болдина, 98
E-mail: maxozv@yandex.ru

Авторское резюме

После Октябрьского переворота 1917 г. и прихода к власти большевиков самая отдаленная юго-западная окраина страны – Бессарабия – оказалась на перекрестке нескольких вариантов своей дальнейшей судьбы. Румынское правительство намеревалось продолжить борьбу с Центральными державами, что предполагало отказ от сотрудничества с нацеленной на выход из войны Советской Россией и претензию на имущество Румынского фронта как своеобразный залог за румынское имущество в России и переведенный в Москву румынский золотой запас. Помимо того, румынская сторона, лавируя между союзниками по Антанте и надвигавшимися на Россию немцами, рассчитывала на занятие Бессарабии с перспективой ее присоединения к Румынии. В этой обстановке штаб Румынского фронта, не обладавший реальной силой, но являвшийся юридическим правопреемником союзных соглашений, должен был провести демобилизацию войск, обеспечить безопасность Бессарабии, насколько это было возможно, сохранить фронтовое имущество для будущей России. Главнокомандующий Румынским фронтом Д.Г. Щербачев сумел выполнить поставленные задачи в той мере, в какой это оказалось подходящим.

Ключевые слова: Бессарабия, интервенция, Румынский фронт, генерал Щербачев, демобилизация, военное имущество.

THE COLLAPSE AND DEMOBILIZATION OF THE ROMANIAN FRONT IN THE WINTER OF 1917/1918: BETWEEN THE REDS, THE WHITES AND INTERVENTIONISTS

M.V. Oskin

Institute of Jurisprudence and Management of the All-Russian Police Association
98 Boldin Street, Tula, 300028, Russia
E-mail: maxozv@yandex.ru

Abstract

After the October coup of 1917 followed by the Bolsheviks coming to power, Bessarabia, the most remote southwestern outskirt of the country, was at the crossroads of several options for its future. The Romanian government intended to continue the struggle with the Central powers, which meant the refusal to cooperate with the Soviet Russia aimed at getting out of the war, and the claim to the property of the Romanian front as a kind of pledge for Romanian property in Russia and the Romanian gold reserve transferred to Moscow. In addition, the Romanian side was maneuvering between the allies in the Entente and the Germans approaching Russia and planned to annex Bessarabia. As the legal successor to the Union agreements with no real power, the Romanian front headquarters was to demobilize troops, to ensure the safety of Bessarabia as much as possible, and to preserve front-line property for the future Russia. The Commander in Chief of the Romanian front D.G. Shcherbachev managed to fulfill the tasks to the extent that it was appropriate.

Keywords: Bessarabia, intervention, Romanian front, General Shcherbachev, demobilization, military equipment.

С августа 1916 г. Российская империя и Румынское королевство выступали союзниками по блоку Антанта и сражались непосредственно плечом к плечу против общего врага – Центральных держав. Военное поражение Румынии осенью 1916 г. еще больше усилило это сотрудничество, объединив две страны общностью судьбы военного времени. Созданный в конце года Румынский фронт включал в себя русские и румынские армии и номинально возглавлялся румынским королем Фердинандом I при фактическом командовании русского

штаба во главе с помощником командующего – помглавкорумом В.В. Сахаровым.

Однако Февральская революция, внешне не изменившая союзных отношений между двумя странами, все-таки привнесла настороженность в союзнические связи, которая лишь усиливалась по мере развертывания в России революционного процесса и нараставшего разложения русской действующей армии. Летние бои кампании 1917 г. на Румынском фронте (сражение под Марашештами), с одной стороны, показали возросшую силу румынской армии, разгромленной в конце 1916 г. и восстановленной с помощью русских и французских офицеров, а с другой – степень деградации российских вооруженных сил, не желавших продолжать войну.

Тем не менее осенью 1917 г. русская действующая армия все еще насчитывала миллионы людей. К концу ноября 1917 г. на Румынском фронте находилось 1 190 264 чел. и 463 713 лошадей (ГАРФ 4: 5). Все это количество «ртвов» нуждалось в постоянном снабжении, нехватка которого в случае недовоза продовольствия и фуража, возраставшего с каждым днем, компенсировалась за счет местных средств Румынии, Бессарабии и Херсонщины.

Невзирая на сравнительное спокойствие на фронте, разложение войск продолжало расти, хотя в Румынии этот процесс несколько сдерживался присутствием дисциплинированной румынской армии. Но избежать эксцессов и убийств не удалось – например, 19 октября в расположении 26-го стрелкового после истязаний был убит начальник 7-й стрелковой дивизии В.И. Зиборов. После падения Временного правительства и перехода Ставки в руки большевиков эти процессы усилились. По воспоминаниям командира 40-й пехотной дивизии (6-я армия) А.А. Курбатова, на дивизионном митинге 6 декабря солдаты потребовали от начдива ответить, «признает ли он Крыленку» (Н.В. Крыленко – первый советский Верховный главнокомандующий), тот ответил уклончиво, но все обошлось. Курбатов вспоминал: «А был момент, что над нами был бы свершен самосуд с превращением в кусок мяса, с надругательством и со срыванием погон. Недаром начальник штаба взял с собой револьвер, чтобы уничтожить себя раньше убийства» (ГАРФ 1: 16).

Октябрьский переворот, создание советского правительства из большевиков, крушение старой Ставки и гибель и. д. Верховного главнокомандующего Н.Н. Духонина послужили толчком к ожесточенной борьбе за власть и на Румынском фронте. Предполагавшийся Советом народных комиссаров выход России из Первой мировой войны в качестве первоочередной задачи ставил перемирие на фронтах и подготовку к скорейшей демобилизации войск фронта.

Важной особенностью ситуации на Румынском фронте являлось наличие румынского правительства, армии, территории, где война продолжалась, т. к. Румыния выходила из войны не собиравшись. Отдаленность фронта от революционных центров и наличие румынских войск стали основанием для сравнительно мягкого развертывания событий на фоне борьбы за власть и образования лагерей революции и контрреволюции.

Выдающуюся роль в этих процессах должен был играть штаб Румынского фронта, отвечавший за удержание линии фронта вплоть до заключения мира и предстоящую демобилизацию. Имея в качестве тыловой опоры румын, помглавкорум Д.Г. Щербачев (о котором А.А. Брусиллов писал в приказе об убытии на Румынский фронт следующее: «Обладая широкими военными знаниями и твердой волей, всегда бодрый духом и проникнутый стремлением вперед, генерал Щербачев умел воодушевить и влить дух победы и во вверенные ему войска» (ГАРФ 2: 1)) мог вести разновекторную политику. Эта политика включала в себя и сотрудничество с большевистскими войсковыми комитетами, и связи с украинской Центральной Радой, и формирование белогвардейских добровольческих формирований, и переговоры с союзными миссиями. Притом задача демобилизации русских войск Румынского фронта со всеми вытекающими отсюда последствиями (вывод войск, забота о войсковом имуществе, поддержание правопорядка в тыловых регионах) являлась для помглавкорума и его сотрудников одной из важнейших.

События на фронте после падения Временного правительства развивались стремительно, калейдоскоп взаимоотношений между различными политическими силами был самым пестрым и многонациональным, в связи с чем помглавкорум был вынужден лавировать между всеми вариантами социального строительства и кандидатами на первенство, что впоследствии стороны ставили ему если не в вину, то в беду. Обвинения красных в измене, белых – в недостаточной поддержке, союзников – в переговорах с немцами и т. д. являлись несправедливыми, т. к. Д.Г. Щербачеву было необходимо минимизировать издержки революционного процесса на вверенной ему территории Румынского фронта. Важной целью штаба фронта стало недопущение скатывания войск и населения района в гражданскую войну, по крайней мере, до окончания демобилизации, поскольку войска приходилось выводить с территории другого государства.

Прежде всего, штаб фронта был вынужден реагировать на Октябрьский переворот. Приказ по Румынскому фронту от 5 ноября 1917 г. на основании постановления Чрезвычайного фронтового съезда 31 октября – 1 ноября признавал, что высшая власть «в отношении

русских частей» принадлежит Военно-революционному комитету (ВРК) Румынского фронта под председательством Г. Лордкипанидзе (ГАРФ 3: 1). На протяжении почти месяца генерал Щербачев внешне подчинялся Совету народных комиссаров, но под давлением румынского правительства, действовавшего в тесной связке с Центральной Радой (в Яссах находилась делегация, принятая королем Фердинандом I), стал постепенно выходить из-под указаний правительства В.И. Ленина. В итоге 23 ноября принимается решение об объединении Румынского и Юго-Западного фронтов в Украинский фронт, который возглавил Щербачев, признававший Украину частью неделимой России (ГАРФ 5: 14 об.).

Украинский фронт подчинялся Генеральному секретариату образованной 7 ноября Украинской Народной Республики (УНР) во главе с В.К. Винниченко и С.В. Петлюрой. Учитывая, что 21 ноября был образован высший орган власти в Бессарабии – Сфатул Цэрий, 2 декабря провозгласивший о создании Молдавской Народной Республики, «входящей как равноправный член в состав единой Федеративной Российской Демократической Республики», ситуация на Румынском фронте все более запутывалась. Подчинение украинскому правительству представлялось возможностью для выхода из-под власти Совнаркома. Поэтому, помимо Щербачева, акты УНР поддержал и Комитет комиссаров Румынского фронта: комиссар УНР К. А. Карасев, комиссар Молдавской Республики А.К. Скобиола, которого с 25 декабря 1917 г. сменил командир 411-го пехотного полка полковник Мунтян, польский комиссар Л.И. Бабицкий, армянский – С.А. Тер-Григорьянц, литовский – А.И. Бабилюк, эстонский – А.М. Круземячи, Донской казачий – Р.П. Греков, грузинский – А.Н. Дадияни, белорусский – П.Д. Манцевич, сибирский – М.И. Кузьмин.

Соответственно, пока УНР не объявила себя независимой, а считалась частью России, Щербачев не видел особого негатива в таком подчинении. Напротив, УНР вполне могла расцениваться как альтернатива Совнаркому. Объединение Юго-Западного и Румынского фронтов в единый Украинский фронт, о чем Щербачев сообщил в приказе № 1234 от 4 декабря 1917 г., мотивировалось тем, что «Петроградское правительство народных комиссаров с каждым днем показывает свою неспособность вести армию Российской Республики к миру и устройению жизни пострадавших народов России» (ГАРФ 3: 5 об.–6).

Опираясь на бессарабских сепаратистов, не желавших распространения революционного движения в регионе, и на указания Генерального секретариата УНР, также взявшего курс на независимость, под покровительством румынской стороны на Румынском фронте стали

создаваться национальные части. Данный процесс, ранее продвигавшийся терявшим авторитет Временным правительством, происходил на всех фронтах, но лишь здесь он получил поддержку и сочувствие союзного государства, заинтересованного в использовании его в собственных интересах. На ходатайство Молдавского исполнительного комитета о формировании 1-го Молдавского пехотного запасного полка в Кишиневе Ставка сочла «более целесообразным молдаванизировать один существующий запасной полк Румынского фронта с тем, чтобы пропускаемые впоследствии через его ряды молдаванские пополнения поступали на укомплектование частей Румынского фронта». Таким полком стал 40-й пехотный запасной полк, через который следовало «пропускать офицеров-молдаван, вновь производимых из училища и школ Одесского округа» (РГВИА 1: 199–200).

В целом под руководством Щербачева, согласно телеграмме Ставки от 19 ноября 1917 г., формировались пять национальных корпусов – 2-й Польский (С.Л. Станкевич), 3-й Польский (Е.М. Михелис), Украинский корпус, подчинявшийся Генеральному секретариату, Мусульманский (М.А. Сулькевич) и Молдавский. В частности, именно на Румынский фронт отправлялись все маршевые мусульманские роты и должны были перебрасываться с Северного и Западного фронтов еще по 7 тыс. мусульман. Другое дело, что эти дивизии не имели полного штата, а фактически представляли собой усиленные полки.

К началу 1918 г. на Румынском фронте находилось 54 пехотных и 7 кавалерийских дивизий, в том числе 10 пехотных и 1 кавалерийская украинские, 2 пехотные молдавские, 7 пехотных дивизий и Крымский полк – мусульманские (ГАРФ 4: 17 об.). В связи с изменением политической обстановки (выход России из войны) телеграммой от 20 января Ставка остановила процесс создания национальных соединений: «Ввиду общего политического положения страны формирование национальных войск временно приостановлено. Предлагается вступать в образующуюся интернациональную социалистическую гвардию» (РГВИА 2: 35).

В первую очередь, не желавший советизации фронта и примыкающего региона штаб помглавкорума стремился удержать революционные процессы в крае под своим контролем. Этот контроль рассматривался как борьба с распространявшимся влиянием большевиков. Например, 23 ноября генерал-квартирмейстер 8-й армии А.Х. Базаревский телеграфировал в штаб фронта, что по итогам перевыборов войсковых комитетов их «состав большевистский» (Большевики 1967: 196). На выборах в Учредительное собрание Румынский фронт дал 60 % голосов эсерам, но переизбрание войсковых комитетов везде принесло победу большевикам (Френкин 1965: 224–225). Таким

образом, большевизация войск стала свершившимся фактом, почему образование Украинского фронта, подчиненного Центральной Раде, виделось как компромисс вплоть до созыва Учредительного собрания, которое должно было, по идее, перехватить власть у Совнаркома.

Исходя из поставленной цели, штаб Румынского фронта должен был, так сказать, «продержаться» до созыва нового парламента, что предполагало удержание войск от революционного восстания, а значит, ликвидацию большевистских организаций в армиях. В конце ноября в Яссах, опираясь на румын, Щербачев арестовал фронтовой ВРК, а затем разоружил русские революционные части в Ясском районе на станции Соколы. Именно в Соколах вновь избранный 2 декабря ВРК во главе с назначенным Лениным комиссаром С.Г. Рошалем объявил о переходе власти в свои руки, после чего «власть Щербачева и его штаба на Румынском фронте фактически равнялась нулю» (Березняков 1957: 77). После же ареста членов ВРК и тайного убийства Рошала штабу фронта удалось разгромить централизованную структуру советской власти на Румынском фронте, что перевело борьбу на армейский уровень.

9 декабря, выполняя приказ Ставки и понимая безвыходность положения, имея как факт состоявшееся Фокшанское перемирие между румынами и противником, Д.Г. Щербачев заключил с немцами перемирие. Штаб Румынского фронта рассчитывал, что после разгрома фронтового ВРК удастся облегчить общую обстановку. На проекте договора о перемирии между русскими и румынскими армиями Румынского фронта и «австро-германо-болгаро-турецкими армиями, действующим против означенного фронта», на полях стоит пометка: «румынские армии Румынского фронта под командованием генерала Презана также присоединяются к этому перемирию на время, пока будет длиться перемирие на фронте русских армий Румынского фронта».

Перемирие показало, что румыны не в состоянии в одиночку бороться с войсками Центральных держав в случае выхода России из войны. Противник в то время имел на Румынском фронте 42 пехотные дивизии (13 германских, 25 австро-венгерских, по 2 турецких и болгарских) и 13 кавалерийских дивизий (2 германские, 10 австро-венгерских и 1 болгарскую) (ГАРФ 6: 1–1 об.). В свою очередь, русские армии быстро таяли, перейдя к стихийной демобилизации (как справедливо отметил исследователь, «отходу дивизий и корпусов армий фронта предшествовал внутренний распад» (Френкин 1965: 240)) и параллельно включаясь в революционную борьбу в Бессарабии.

Разгон большевиками Учредительного собрания 5 января 1918 г. показал, что мирного разрешения революционного процесса ожидать

нельзя и безальтернативным вариантом дальнейшего развития событий станет гражданская война. Именно поэтому, когда к середине января 1918 г. влияние большевиков на фронте было подавлено, демобилизация пошла упорядоченно и быстрыми темпами – к концу месяца на всем фронте находилось не более 50 тыс. русских солдат.

13 января Щербачев сложил с себя полномочия командующего Украинским фронтом и вернулся к командованию только на Румынском фронте, т. к. УНР начала с немцами сепаратные переговоры о мире. Отчет о демобилизации Румынского фронта (далее – Отчет) дает следующую характеристику временному подчинению Щербачева Петлюре и Винниченко: «руководивший фронтом с 4 декабря по 13 января Украинский военный секретариат явился лишь эпизодом» (ГАРФ 4: 1 об.). Следовательно, после четко взятого Совнаркомом курса на выход России из войны и провозглашения 9 января Центральной Радой суверенитета УНР единственной реальной силой в регионе становились иностранцы – румыны и немцы, а разменной монетой в их соглашениях была Бессарабия, волей событий первой из российских губерний испытывавшая на себе иностранную интервенцию.

Только теперь, когда расстановка сил стала ясной, штаб Румынского фронта стал активно поддерживать формирование Добровольческого корпуса в Яссах под руководством командира 14-й пехотной дивизии М.Г. Дроздовского. Уже и ранее добровольцы разоружали в свою пользу уходившие с фронта части и соединения, а люди, желавшие присоединиться к корпусу, отправлялись в Яссы свободно (ГАРФ 1: 18). 24 января Щербачев отдал приказ № 1413 по русским армиям Румынского фронта о формировании Отдельного корпуса русских добровольцев. Формирование добровольческих частей «производилось не на счет сумм штаба, а на счет особого фонда, полученного помглавкорумом для этой цели от наших союзников» (ГАРФ 4: 42).

Стремясь создать союзную Антанте силу, американская и французская миссии в Яссах стали всемерно способствовать формированию Добровольческого корпуса, хотя ранее относились к этому пассивно, рассчитывая на смену власти во всей России. Именно союзники оказывали давление на румын, которые, «стремясь заключить мир, видели в русских добровольцах исключительно неблагоприятный фактор при ведении переговоров, всячески стараясь выполнить требование немцев о расформировании добровольческих частей» (Дроздовский 2006: 49). Для упорядочения формирования Щербачев назначил инспектором добровольческих формирований командарма-9 А.К. Кельчевского (начальником штаба стал А.Н. Алексеев). План – создание Днестровской добровольческой армии.

Тем не менее в условиях румынской интервенции в Бессарабию и требования немцев о роспуске корпуса из всего дела создания на Румынском фронте значительного белогвардейского отряда мало что получилось. Как только румыны начали переговоры с немцами, они принялись препятствовать формированию отряда Дроздовского, а Кельчевский стал разваливать уже сформированные части (Кравченко 1973: 28). Поэтому 24 февраля был отдан приказ о роспуске добровольческих частей, и на Дон на соединение с Добровольческой армией Л.Г. Корнилова ушла лишь 1-я бригада в составе около тысячи штыков (в основном офицеры).

Сложность и противоречивость образования на Румынском фронте очага контрреволюции вытекала из факта, определяющего влияние на события со стороны интервентов. Потому Д.Г. Щербачев, озабоченный прежде всего сохранением фронтового имущества, и вел себя достаточно пассивно относительно поддержки начинания Дроздовского. С другой стороны, сын Щербачева вспоминал, что «добровольцы вели себя ниже всякой критики», задираясь с румынами, уже начавшими захват Бессарабии (ГАРФ 5: 36). Представляется, что штаб Румынского фронта если и мог сделать больше для добровольческого движения в этом регионе, то ненамного. Главную роль в регулировании революционного процесса уже играли интервенты – сначала румыны, а затем и немцы.

После того как Центральная Рада начала переговоры с Германией, союзники выдвинули проект независимой Бессарабии во главе с Щербачевым, но тот не согласился, после чего ввод румынских войск в Бессарабию был неизбежен. Причинами тому стали как объективные обстоятельства – необходимость снабжения фронта и захват ресурсов региона для этой цели, так и субъективные – расчеты румынского правительства на послевоенное отторжение Бессарабии в свою пользу. Сам Щербачев решил на ввод румынских войск в Бессарабию, только чтобы обеспечить снабжение войск, причем румынский премьер-министр И. Брэтиану и главнокомандующий румынской армией К. Презан уверили его, что не имеют территориальных притязаний. Но, как отметил сын Щербачева, почти сразу «вообще румыны вели себя как какие-то завоеватели» (ГАРФ 5: 26 об.).

7 января румынское командование отдало приказ перейти пограничную реку Прут и начать вторжение в Бессарабию специально выделенными для этой миссии войсками во главе с Е. Броштяну. Румынское воззвание утверждало, что румыны пришли в Бессарабию для охраны продовольствия, закупленного ими в России, и для обеспечения перевозки продовольствия и фуража. Т.е. главной целью вступления румынских оккупационных войск в Бессарабию декла-

рировалось снабжение фронта, а также выполнение демобилизации русских войск (ГАРФ 3: 17).

В румынской историографии отмечается, что румынская армия вступила в Бессарабию «по многочисленным просьбам официальных органов власти Кишинева», выполняя такие задачи, как «поддержание порядка и защита границы между Бессарабией и Румынией» (Якоб 2005: 502). Действительно, Сфатул Цэрий в конце 1917 г. большинством голосов принял решение о вводе румынских войск в Бессарабию и взял курс на присоединение русской губернии к Румынии. Однако выступившие против таких действий депутаты подверглись репрессиям, а пятеро из них впоследствии были расстреляны румынским военным командованием. Следовательно, уцелеть в данной ситуации могли лишь сепаратистски настроенные политики, а потому в отношении «добровольного» характера таких «просьб» есть большие сомнения.

Располагавшиеся в Бессарабии разрозненные части русской 8-й армии (прочие армии – 4-я, 9-я и 6-я – стояли на румынской территории), выполнявшие приказы Центрального исполнительного комитета Советов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесского военного округа (Румчерод), находившегося в Одессе, пытались оказывать сопротивление. Румчерод провозгласил себя высшей властью в юго-западной области (в Бессарабии и Херсонской губернии) и на Румынском фронте, взяв на себя руководство всеми революционными армейскими частями Румынского фронта. Уже 10 января Румчерод справедливо заявил союзным миссиям, находившимся в Одессе, что «румынское правительство, не объявляя войны Российской Федеративной Республике и без разрыва дипломатических сношений, фактически находится сейчас в положении войны с республикой» (Борьба 1967: 58).

В боях 7-8 января трансильванские части румын (бывшие австрийские военнопленные румынской национальности, переданные румынам в 1917 г.) были отброшены от Кишинева, но 12 января румынские войска все же взяли город, разоружив русских и расстреляв 17 бойцов 1-го Молдавского полка. Воззвание Презана от 12 января к населению Молдавской Республики гласило: «Немедленно по установлении порядка и спокойствия и как только будут гарантии, что воровство, грабежи и убийства не возобновятся, воины-румыны возвратятся к себе домой» (ГАРФ 3: 18 об.). Напротив, выехавший из столицы края штаб Кишиневского района 11 января заявил, что «румыны вошли в пределы Бессарабии с целью захвата продовольственных и интендантских складов... Занятие Кишинева им даст возможность все вывезти в Румынию» (Борьба 1967: 62). Как показали дальнейшие

события, большевики более верно расценивали сложившуюся обстановку, а именно – расчет румын на аннексию Бессарабии.

Вследствие румынского вторжения (осуществленного, напомним, по соглашению с помглавкорумом) возникла проблема, до конца не решенная и поныне, – ситуация с румынским золотым запасом, в конце 1916 г. эвакуированным в Россию и теперь оказавшимся в руках большевиков (Покивайлова 2017). В итоге 13 января Совнарком объявил Щербачева вне закона и выпустил постановление о разрыве дипломатических отношений с Румынией, где, в частности, указывалось, что «хранящийся в Москве золотой фонд Румынии объявляется неприкосновенным для румынской олигархии. Советская власть берет на себя ответственность за сохранность этого фонда и передаст его в руки румынского народа» (Борьба 1967: 65). Данное обстоятельство, как говорит отчет, стало основанием для захвата русского военного имущества румынами, «опиравшимися в своих притязаниях на чрезвычайно неопределенные указания на финансовые обязательства России перед Румынией, пополнение коих было окончательно скомпрометировано водворившимся в Петрограде большевистским правительством» (ГАРФ 4: 11).

Румынские войска занимали Бессарабию, прежде всего города Измаил, Килию, Бельцы, с боями. В Бендерах тираспольский партизанский отряд Г.И. Котовского двое суток удерживал город. Оборонявшие Бессарабскую губернию советские войска подчинялись провозглашенной 18 января 1918 г. на территории Херсонской и Бессарабской губерний Одесской Советской Республике с центром в Одессе, где весной 1917 г. насчитывалось более 800 тыс. чел. населения (ГАРФ 7: 66). Спустя три дня Румчерод телеграфировал в Совнарком, что «Румыния фактически находится с нами на положении войны, заняла Бендеры, Кишинев и принимает крайне репрессивные меры к мирному населению Бессарабии и к солдатам наших армий» (За власть 1970: 48). 23 января Румчерод объявил войну Румынии.

Как верно заметил М.С. Френкин, «в январе 1918 г. окончательный развал Румынского фронта и распад его 4-й, 6-й и 9-й армий стали совершившимся фактом. Теперь только 8-я армия представляла собой организованную силу». Спешившие по домам части оставили в Румынии почти все вооружение, т. к. румынские войска на станциях старались разоружать отступавших (Френкин 1965: 244, 336). 21 января ревком 8-й армии сообщал в Киев, что 8-я армия «является единственной силой, могущей бороться с контрреволюционным движением», но связи с другими армиями почти не было (За власть 1970: 49–50), что и предопределило конечную неудачу обороны Бессарабии.

Само собой разумеется, что в штабе Румынского фронта, настроенного антибольшевистски, эти события представлялись с противоположной стороны. Отчет констатирует, что «стихийная беспорядочная демобилизация» в «предоставленной самой себе 8-й армии» вылилась в «разгром ряда местностей в Румынии и Бессарабии, многочисленные случаи расхищения и дележа и даже продажи противнику или местному населению казенного имущества, запасов и даже оружия». Поэтому ввод румынских войск был необходим, дабы «ввести естественное умирание армий в русло планомерной, продуманной, хотя и несколько импровизированной демобилизации» (ГАРФ 4: 6).

В современной историографии порой считается, что «решающим фактором, повлиявшим на дальнейшее развитие событий, было исчезновение какого бы то ни было легитимного центра власти в России в глазах бессарабских элит после прихода к власти большевиков». «Местные элиты стремились восстановить порядок и стабилизировать военную ситуацию в условиях полной дезинтеграции фронта. Постепенно вариант объединения с Румынией стал восприниматься как "меньшее зло" в тогдашних обстоятельствах» (Кушко 2012: 366). Действительно, «местные элиты», т. е. помещики, рассчитывали на возвращение захваченных крестьянами земель с помощью румын. В декларации Сфатул Цэрий от 2 декабря объявлялся «переход всех земель, без выкупа, в руки трудового народа на началах уравнительного пользования». Закрепление результатов революционного процесса 1917 г. имело следствием то обстоятельство, что к «моменту захвата Бессарабии королевской Румынией помещичье землевладение в крае было практически ликвидировано» (Лунгу 1979: 23). Т. е. «меньшее зло» предполагало лишение бессарабского крестьянства завоеваний Русской революции, что в будущем вылилось в ряд восстаний, самым крупным из которых стало Хотинское восстание 1919 г.

Румынская политика предполагала также выдавливание из Бессарабии русского населения. Даже в целом благожелательно настроенные к румынам современники отмечают указанные векторы румынской деятельности. Так, А.А. Курбатов сообщает, что из Кишинева в Россию уходили поезда, «переполненные беженцами из Бессарабии, захватываемой Румынией» (ГАРФ 1: 18). Сын Д.Г. Щербачева отметил, что «первое время помещики и интеллигенция были в восторге от румын, но постепенно, приглядевшись, они пришли в ужас. Дело обстояло в общем почти так же, как и раньше, только что раньше были разбойники и грабители, а теперь законная реквизиция и неисчислимое количество взяток» (ГАРФ 5: 27об.). Абсолютно верен вывод о том, что провозглашенная 24 января независимость Молдавской Народной Республики являлась фикцией – «маленькая территория,

оккупированная четырьмя иностранными дивизиями, не могла быть независимой. Только аннексированной» (Стати 2014: 299).

В условиях парадоксальной политической нестабильности, когда на территории Бессарабии начались гражданская война между красными и белыми, сопротивление крестьян румынской «добровольной» оккупации, продвижение в глубь России австро-германских войск и переговоры румын с Центральными державами, штаб Румынского фронта должен был озаботиться ликвидацией имущества фронта и завершением демобилизации русских войск. Следует сказать, что ликвидационная комиссия Румынского фронта под председательством начальника штаба 4-й армии Н.А. Монкевица сумела выполнить свою роль, не допустив простого разграбления имущества, как то произошло на Северном и Западном фронтах, или его захвата местными политическими группировками, как на Юго-Западном фронте.

Главной целью своей деятельности ликвидационная комиссия и штаб Румынского фронта ставили сохранение русского военного имущества для будущей России в условиях румынского давления и назревавшей и вскоре начавшейся германской интервенции. Отчет А.Н. Алексеева Щербачеву от 10 марта недвусмысленно говорит о попытках румын полностью заполучить в свои руки русское имущество: «Стремление зарегистрировать взятое в свое ведение румынами наше имущество зачастую встречает противодействие, и таким образом казне наносится ущерб» (РГВИА 3: 467).

Тем не менее охранять имущество было некому – по ходу демобилизации люди уезжали по домам, в Россию. К 7 марта 1918 г. в 9-й армии частей войск более не осталось – лишь несколько сот солдат при ликвидационных комиссиях; в 4-й армии – 12,2 тыс. солдат; в 6-й армии – Мусульманская дивизия и 1,5 тыс. солдат сибирских дивизий (РГВИА 3: 487). Соединения 8-й армии, как говорилось выше, развалились, и демобилизация там прошла хаотично.

Противодействие румынской стороны и начавшаяся в России гражданская война вынудили оставить русское военное имущество Румынского фронта на территории Румынии и Бессарабии под доверенность союзников. Однако отъезд союзных миссий после заключения Брестского мира и мирного договора между Центральными державами и Румынией фактически передали это имущество в руки румын.

Сам Щербачев подвел итоги последнего года войны на Румынском фронте в приказе от 28 марта 1918 г. о снятии с себя командования и передаче полномочий главному начальнику комиссии по демобилизации и ликвидации Румынского фронта А.А. Пержхайло. Помглавкорум отметил, что «тотчас по прибытии, в апреле месяце

прошлого года, при подготовке к наступательной операции, я увидел выдающуюся деятельность большей части как русского, так и румынского командного состава и штабов; полное содействие со стороны всех остальных наших доблестных союзников, еще продолжающих войну с Центральными державами и доблесть войск – все это дало блестящие результаты» (ГАРФ 2: 5).

Несомненно, русско-румынские взаимоотношения, взаимодействие и поддержка в период Первой мировой войны носили сложный и противоречивый характер. С одной стороны, нуждаясь во взаимной помощи, Россия и Румыния, несомненно, стремились к сотрудничеству, которое могло бы в должной мере удовлетворять обе стороны. С другой – взаимное недоверие накладывало на это сотрудничество печальный отпечаток элементов противодействия, имевших в своей основе стремление к максимальному использованию менявшейся ситуации в их корыстных интересах. Так, в ходе Русской революции 1917 г., в процессе развития революционного процесса от либеральной «демократии» к большевизму, румыны прибрали к своим рукам русского военного снаряжения на сумму около 4 млрд франков (включая и поставки еще при царском режиме) (За балканскими 2002: 352). Правда, были и минусы. Румыны потеряли свой золотой запас, находившийся в Петрограде и доставшийся большевикам, но зато «взамен» в 1918 г. оккупировали русскую Молдавию.

Заложником военной и революционной ситуации стала Бессарабская губерния. Представляется, что в ситуации весны 1918 г. перед Бессарабией стояла альтернатива – либо разжигание гражданской войны с участием в ней интервентов с самого начала, либо оккупация Румынией с учетом интереса Центральных держав, коим был выход Румынии из войны. В любом случае определяющую роль в судьбе революционной Бессарабии сыграли соглашения между разными интервенционными игроками, для которых Бессарабия выступила разменной монетой в закулисных играх без учета русских интересов.

Иными словами, условный выбор между красными и белыми проходил при силовом контроле со стороны интервентов, но это способствовало относительному смягчению проявлений гражданской войны. Румыны использовали Бессарабию не только для снабжения своей армии, но и для расчетов с немцами, заодно не постеснявшись присоединить к себе эту область по итогам Первой мировой войны, воспользовавшись гражданской войной в России. Неудивительно, что сын Щербачева сообщает: «За мое пребывание в Румынии симпатии румын лично к русским и обратно все падали и падали и наконец дошли до злобы друг на друга страшной» (ГАРФ 5: 9 об.).

Объясняя и в определенной степени стремясь оправдать захват и оккупацию части территории соседнего государства, союзника по оружию в антигерманской коалиции, румынская историография полагает, что после подписания Брестского мира «Румыния оказалась в полной изоляции, без какого-либо шанса выстоять перед наступлением противника со всех сторон» (Якоб 2005: 498). Этот тезис совершенно верен. Ресурсы Бессарабии действительно были необходимы Румынии, желавшей «дотерпеть» до конца войны даже после подписания сепаратного мира с Германией. Тем не менее он не показывает необходимость продолжения оккупации Бессарабии после окончания войны, а, напротив, выставляет на первый план захватнические планы румынского руководства, сумевшего добиться наиболее впечатляющих успехов в послевоенном мире – почти двойного увеличения территории и населения Румынии, пусть даже РСФСР никогда не признавала румынской оккупации российской Бессарабии.

После Октябрьского переворота 1917 г. и прихода к власти большевиков как очередного этапа Русской революции у самой отдаленной юго-западной окраины страны – Бессарабии – оказалось несколько вариантов дальнейшей судьбы, причем были сделаны попытки воплотить многие из этих вариантов в жизнь. Они проводились различными политическими силами с разной степенью интенсивности и шансами на успех, однако определяющими факторами зимы 1917–1918 гг. стали наличие Румынского фронта и процессы его распада и демобилизации как следствия выхода России из Первой мировой войны.

ЛИТЕРАТУРА

Березняков 1957 – *Березняков Н.В.* Борьба трудящихся Бессарабии против интервентов в 1917–1920 гг. Кишинев, 1957.

Большевики 1967 – Большевики Молдавии и Румынского фронта в борьбе за власть Советов (март 1917 – январь 1918 г.). Кишинев, 1967.

Борьба 1967 – Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции (1917–1920 гг.). Кишинев, 1967.

ГАРФ 1 – Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5881. Оп. 2. Д. 442.

ГАРФ 2. Ф. 5936. Оп. 1. Д. 4.

ГАРФ 3. Ф. 5936. Оп. 1. Д. 9.

ГАРФ 4. Ф. 5936. Оп. 1. Д. 238.

ГАРФ 5. Ф. 5936. Оп. 1. Д. 577.

ГАРФ 6. Ф. 6051. Оп. 1. Д. 21.

- ГАРФ 7. Ф. 6831. Оп. 1. Д. 462.
- Дроздовский 2006 – Дроздовский и дроздовцы. М., 2006.
- За балканскими 2002 – За балканскими фронтами Первой мировой войны. М., 2002.
- За власть 1970 – За власть Советскую. Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции (1917–1920 гг.). Кишинев, 1970.
- Кравченко 1973 – *Кравченко Вл.* Дроздовцы от Ясс до Галлиполи. Мюнхен, 1973. Т. 1.
- Кушко 2012 – *Кушко А., Таки В.* Бессарабия в составе Российской империи (1812–1917). М., 2012.
- Лунгу 1979 – *Лунгу В.* Политика террора и грабежа в Бессарабии 1918–1920. Кишинев, 1979.
- Покивайлова 2017 – *Покивайлова Т.А.* Бессарабия в центре конфликта между Россией и Румынией и судьба румынского золота, перемещенного в Россию в годы Первой мировой войны // *Славяне и Россия: проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв.* М., 2017.
- РГВИА 1 – Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000. Оп. 3. Д. 2819.
- РГВИА 2 – РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 2820.
- РГВИА 3 – РГВИА. Ф. 2086. Оп. 1. Д. 15.
- Стати 2014 – *Стати В.* История Молдовы. Кишинев, 2014.
- Френкин 1965 – *Френкин М.С.* Революционное движение на Румынском фронте в 1917–1918 гг. М., 1965.
- Якоб 2005 – *Якоб Г.* Румыны в период становления национальных государств (1859–1918) // *История Румынии.* М., 2005.

REFERENCES

Bereznyakov, N.V. (1957) *Bor'ba trudyashchikhsya Bessarabii protiv interventov v 1917–1920 gg.* [The workers' struggle against the invaders in 1917–1920]. Chişinău: Gosudarstvennoye izdatel'stvo Moldavii.

Aftenyuk, S.A. (ed.) (1967) *Bol'sheviki Moldavii i Rumynskogo fronta v bor'be za vlast' Sovetov (mart 1917 – yanvar' 1918 g.)* [The Bolsheviks of Moldova and the Romanian front in the struggle for the Soviet power (March 1917 – January 1918)]. Chişinău: Cartea Moldovenească.

Bereznyakov, N.V. (ed.) (1967) *Bor'ba trudyashchikhsya Moldavii protiv interventov i vnutrenney kontrrevolyutsii (1917–1920 gg.)* [The workers' struggle against the invaders and internal counter-revolution (1917–1920)]. Chişinău: Cartea Moldovenească.

The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 5881. List 2. File 442.

The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 5936. List 1. File 4.
The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 5936. List 1. File 9.
The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 5936. List 1. File 238.

The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 5936. List 1. File 577.

The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 6051. List 1. File 21.

The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 6831. List 1. File 462.

Gagkuyev, R.G. & Tsvetkov, V.Zh. (2006) *Drozdovskiy i drozdovtsy* [Drozdovskiy i drozdovtsy]. Moscow: Posev.

Vinogradov, V.N. (ed.) (2002) *Za balkanskimi frontami Pervoy mirovoy voyny* [Behind the Balkan fronts of the First World War]. Moscow: Indrik.

Bereznyakov, N.I. (ed.) (1970) *Za vlast' Sovetskuyu. Bor'ba trudyashchikhsya Moldavii protiv interventov i vnutrenney kontrrevolyutsii (1917–1920 gg.)* [For the Soviet power. The workers' struggle against the invaders and internal counter-revolution (1917–1920)]. Chişinău: Moldova AS.

Kravchenko, V.I. (1973) *Drozdovtsy ot Yass do Gallipoli* [Drozdovtsy from Iasi to Gallipoli]. Vol. 1. Munich: [s.n.].

Kushko, A. & Taki, V. (2012) *Bessarabiya v sostave Rossiyskoy imperii (1812–1917)* [Bessarabia in the Russian Empire (1812–1917)]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye.

Lungu, V. (1979) *Politika terrora i grabezha v Bessarabii 1918–1920* [Policy of terror and robbery in Bessarabia in 1918–1920]. Chişinău: Cartea Moldovenească.

Pokivaylova, T.A. (2017) Bessarabiya v tsentre konflikta mezhdu Rossiyei i Rumyniyei i sud'ba rumynskogo zolota, peremeshchennogo v Rossiyu v gody Pervoy mirovoy voyny [Bessarabia at the centre of the conflict between Russia and Romania and the fate of Romanian gold, moved to Russia during WWI]. In: Danchenko, S.I. (ed.) *Slavyane i Rossiya: Problemy voyny i mira na Balkanakh. XVIII–XXI vv.* [Slavs and Russia: the problems of war and peace in the Balkans in the 18th – 21st centuries]. Moscow: Institute of Slavic Studies, RAS.

The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2000. List 3. File 2819.

The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2000. List 3. File 2820.

The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2086. List 1. File 15.

Stati, V. (2014) *Istoriya Moldovy* [History of Moldova]. Chişinău: Arva Color.

Frenkin, M.S. (1965) *Revolyutsionnoye dvizheniye na Rumynskom fronte v*

1917–1918 gg. [Revolutionary movement on the Romanian front in 1917–1918]. Moscow: Nauka.

Jakob, G. (2005) Rumyny v period stanovleniya natsional'nykh gosudarstv (1859–1918) [Romanians during the formation of national States (1859–1918)]. In: Bolovan, I. & Pop, I.A. (eds) *Istoriya Rumynii* [History of Romania]. Moscow: Ves' Mir.

Оськин Максим Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры общих гуманитарных и социально-правовых дисциплин Института законоведения и управления Всероссийской полицейской ассоциации (Россия).

Maxim V. Oskin – Institute of Jurisprudence and Management of the All-Russian Police Association (Russia).

E-mail: maxozv@yandex.ru